
СМЫСЛОВОЕ НАПОЛНЕНИЕ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ ГОЛУБОЙ

И.А. Герасименко

Кафедра общего языкознания и истории языка
Филологический факультет
Донецкий национальный университет
ул. Университетская, 24, Донецк, Украина, 83055

В статье рассматривается смысловое наполнение цветообозначения *голубой* в русском языке. Цель статьи — раскрытие этнокультурной информации, которая закодирована в данном колоративе.

Известно, что цвет объективируется в языке посредством цветообозначений (ЦО). Данная лексико-семантическая группа слов постоянно находится в поле внимания исследователей, изучающих механизмы категоризации человеком окружающего мира. Объектом изучения выступает и ЦО *голубой*. Однако, несмотря на многочисленные и разноплановые работы по данной тематике (например, работы Р.В. Алимпиевой, В.П. Василевича, В.Е. Моисеенко, А.А. Качаевой), исследование функциональной семантики ЦО *голубой* часто сводится к констатации присущих ему значений. Поэтому цель данной статьи — обозначить глубинные смыслы лексемы *голубой* и проследить ее номинативные связи.

Определение исходной семантики названного колоратива проводится с учетом получившей в последнее время распространение арктической концепции происхождения человеческой истории. Условия материальной жизни северных (в том числе русского) народов описаны на основе археологических, астрономических, мифологических и других наблюдений (работы В.Н. Демина, В.В. Богданова, У.Ф. Уоррена, А.С. Хомякова и др.). На Крайнем Севере люди жили в условиях «черно-белого» года с продолжительной полярной ночью и иного, нежели сейчас, климата. Это предопределило конкретное содержание ряда языковых единиц [10. С. 234—250]. Более того, если согласиться с тезисом о тьме как гносеологической основе всего сущего, то мироздание надо будет понимать как переход от тьмы к свету. Уже отчасти установлено, что мрак является не только частью бытия, но и фактором глоттогенеза. Последнее в какой-то мере можно подтвердить, анализируя смысловую наполняемость колоратива *голубой* и близких ему соответствий.

Слово *голубой* имеет неоднозначную семантику. Оно используется для обозначения одного из цветов спектра (*голубой* — ‘светло-синий’, ‘лазоревый’, ‘ярко-небесный’ [6. С. 370]) и, представляя другие смыслы, выступает в качестве носителя коннотаций ‘идиллический’, ‘лучший’, ‘светлый’ и т.д., например:

Она галопом подскочила к кровати и схватила первое попавшееся, какую-то *голубую сорочку* [3. С. 182]; Григорий, сидевший возле тяжелого — в *голубых слинялых цветах* — сундука, глянул на нее [26 (1). С. 70]; А они проходили все ми-

мо, / Смутно каждая в сердце тая, / Чтоб навеки, ни с кем несравнимой, / Отлететь в голубые края [19. С. 156].

Содержательная многозначность анализируемого слова в приведенных примерах объясняется, на наш взгляд, глубинной особенностью ЦО — с помощью одного слова выразить разные значения.

Следует отметить, что традиционная лингвистика рассматривает адъектив *голубой* как восточнославянское [2. С. 193] или общеславянское [13. С. 226] образование, восходящее к *gel-/gol-*, и связывают его со словом *голубь* [25 (1), С. 201], с отображением отлива шейных перьев голубя [23. С. 432; 16. С. 142]. При этом *голубой* понимается исключительно как светлый цвет, чьи обозначения характеризуются положительными коннотациями. «Ощущением цветовой мягкости, сдержанности <...> характеризуются цветообразы, соотнесенные с лексемой *голубой*», — пишет Р.В. Алимпиева [1. С. 93].

Действительно, прилагательное *голубой* является лексемой, в большинстве случаев передающей светло-синий цветовой признак. Данная семантика актуализируется при описании глаз, отсюда частое соотнесение в функционально-смысловом плане колоратива *голубой* со словами *светлый*, *белесый*. Сравним образы *голубых*, *светлых* и *белесых глаз* в произведениях художественной литературы:

Я оглянулся: передо мной, в синей долгополой шинели, стоял старик среднего роста, с белыми волосами, любезной улыбкой и прекрасными *голубыми глазами* [21. С. 173]; И вспоминала, вспоминала Ирина Виктора Петровича, худого обтрепанного старика с твердым бритым лицом, чистыми усами, *светлыми глазами* в складчатых кожаных мешках и черно-серебряным перстнем на желтой руке... [22. С. 68—69]; — Убьют! Езжай в сосны! — крикнул пробежавший мимо казак с испуганным лицом и вытаращенными *белесыми глазами* [26 (4). С. 27].

В подобных контекстах прилагательные *голубой*, *светлый*, *белесый* объединены функционально-семантической общностью — они характеризуют светлый цвет.

Колоратив *голубой* актуализирует смысл ‘светлый’ и при изображении наступающего дня, рассвета, например:

Отвори мне, страж заоблачный, / Голубые двери дня / Белый ангел этой ночью / Моего увел коня [19. С. 473]; В окна глянул *голубой рассвет* [26 (4). С. 145].

Передавая приход света, адъектив *голубой* синонимизируется со словом *белый*, например:

Гасил он фонарики, карабкаясь на лестницу / Медленный, *белый* подходит *рассвет*, / Вместе с человеком взбирался на лестницу [19. С. 150].

Соотнесенность ЦО *голубой* со смыслом ‘светлый’ прочитывается и в образе *голубой весны* и близких к нему соответствий, например:

Стала над широкой донской степью *голубая весна* [26 (4). С. 258]; Развеснилась весна! / Распахнулись *ворота весенние*, / *Голубые*, высокие-высокие [19. С. 527].

Здесь колоративом *голубой* обозначается то, что чаще всего осмысливается как светлое, ясное. Думается, что в подобных случаях данное слово участвует

не столько в описании конкретного явления, сколько в представлении признаков всей ситуации.

Однако рассматриваемый адъектив передает не только смысл 'светлый', в рамках которого реализуется его непосредственное цветовое значение. Как показывает фактический материал, в анализируемом ЦО может быть представлено и значение 'темный'.

В частности, соотносительность ЦО *голубой* со смыслом 'темный' наблюдается при репрезентации потусторонних сил, например:

Держусь, томлюсь, качаюсь, / Вперед, назад, / Вперед, назад. / Хватаюсь и мотаюсь, / И отвести стараюсь / От *черта* томный взгляд. / Над верхом темной ели / хохочет *голубой*: / «Попался на качели, / Качайся, черт с тобой» [19. С. 96].

Здесь ЦО *голубой* заменяет слово *черт*, выражая тем самым исходный смысл 'темный'. Отметим еще, что слово *черт* функционально-семантически пересекается с лексемой *синец* (< *син-ий*). «Синие, синьцы — так в Древней Руси именовали демонов, дьявола», — замечает А.Б. Ипполитова [7. С. 277]. Думается, присутствие имен *голубой* и *синец* в едином культурном контексте вызвано общностью их прототипа (и *голубой*, и производное от синий слово *синец* восходят к смыслу 'тьма').

Скрытая связь близкого к прилагательному *голубой* слова *голубовато-темный* с семантикой 'темный' реализуется и при обозначении цвета кожи умершего человека, например:

Дарья лежала, безжизненно подогнув ноги, привалившись щекой к мокрому днищу. На белом теле ее, лишь слегка посиневшем, принявшем какой-то *голубовато-темный оттенок*, виднелись глубокие проколы — следы крючков [26 (4). С. 179].

В этом случае ЦО *голубовато-темный*, безусловно, представляет смысл 'темный'.

Имплицитная культурная семантика голубого цвета, который репрезентует слово *голубой*, объясняет и его вхождение в группу траурных цветов, например:

Я умру, меня положат / Под *сатин под голубой* / Я и мертвая узнаю, / С кем живет мой дорогой [24. С. 471].

Здесь *голубой* — цвет смерти, он представляет замирное и непостижимое. Примечательно, что данный факт принадлежит к числу типологических явлений (в немецкой культуре, например, умершего принято было одевать в *голубой сюртук* и класть в гроб кусок *голубой ткани*). Надо сказать, что подобная символическая значимость разбираемого цвета не остается без внимания ученых. В частности, Н.В. Серов использование голубого цвета в погребальном обряде объясняет тем, что этот цвет «был символом божественной вечности, человеческого бессмертия». По этой причине, считает он, *голубой костюм* первосвященников и *голубые фигурки* и амулеты в египетских погребениях выражали хранителей вечной правды [20. С. 405, 406]. На наш взгляд, в освещении данного вопроса Н.В. Серов упускает из виду исходную номинативную релевантность понятия 'тьма'. Известно, что в основе символизма древних народов

лежит исходная семантика единиц языка, символы задаются именно глубинными смыслами, но никак не наоборот.

Функциональная связанность адъектива *голубой* со смыслом 'темный' проявляется, вероятно, и в есенинском сочетании *голубые рты*:

Много зла от радости в убийцах, / Их сердца просты, / Но кривятся в почерневших лицах / *Голубые рты* [19. С. 459].

Ошибочно в отмеченном предложении приписывать колоративу *голубой* значение 'яркий', что типично для традиционной лингвистической мысли. «Прилагательное голубой, — пишет И.Б. Бахилина в отношении данного сочетания, — выражает оттенки более яркие, чем бледно-синий, серовато-синий» [2. С. 201]. В основе указанного употребления лежит пучковая связь 'рта' и 'тьмы' [11. С. 8]. Отсюда и функционально-семантическая тождественность текстов с синтагмами *голубой рот* и *черный рот*. Сравним:

Щегинятся сталью, трясаясь от страха, / Залезли на пушки, примкнули штык, / Но бегают глаз под серой папашой, — / Из *черного рта* — истошный рык... [5. С. 170].

Традиционно голубой цвет отсылает нас к небу; голубое небо, голубые дали — типичные поэтические образы. Сравним:

Окна этого этажа, начиная с зимнего солнцеворота, наполнялись через край *голубым* светлым *небом*, широким, как река в половодье [15. С. 94]; Подпрыгнув на седле, Силантьев падал, ловил, обнимал руками *голубую даль*... [26 (1). С. 293].

Однако при описании неба слово *голубой* не всегда относится к области светлого цвета, хотя на обратном и настаивают некоторые лингвисты: «<...> с голубым цветом — цветом неба — коннотация могла быть только положительной», — считает А.П. Василевич [4. С. 25]). В ряде случаев данный колоратив при характеристике пасмурного или ночного неба реализует идею 'тьмы'.

Хоть те же все люди кругом, / ты — вечный, свободный, могучий. / О, смейся и плачь: в *голубом*, / как бисер, рассыпаны тучи [19. С. 182]; *Голубое* поле / Серебром усыпано (*небо*) [18. С. 20]; Ночами пустели за Доном тучи, лопались сухо и раскатисто громовые удары, но не падал на землю, пышущую горячечным жаром, дождь, вхолостую палила молния, *ломающая небо на остроугольные голубые краяхи* [26 (1). С. 212].

С приведенными примерами сравним следующие:

Настала полутьма, и молнии бороздили *черное небо* [3. С. 143]; В лесу все темней да темней. Деревья сливаются в большие чернеющие массы; на *синем небе* робко выступают первые звездочки [21. С. 16]; Тени луны неподвижные... / *Небо серебряно-черное*... / Тени, как смерть, неподвижные... / Живо ли сердце покорное? [5. С. 48].

Связь прилагательного *голубой* со смыслом 'темный' в данных контекстах объясняется тем, что небо, являясь «символом верхней зоны» [14. С. 271], изначально понималось как недостижимое и таинственное, «бесконечное, вечное, недоступное» [17. С. 19]. Следовательно, 'небо' было эквивалентно смыслу 'тьма',

‘небо’ ~ ‘тьма’. «Произнося слово *небо*, — пишет Н.Я. Марр, — я его употребляю условно в восприятии зачаточного первобытного человека, который ‘небо’ отождествлял со всей вселенной, без исключения себя, ‘небо’ представлялось ему в составе всех стихий, в первую голову ‘воды’ (+ ‘мрака’)» [12. С. 207]. О том, что ‘небо’ ~ ‘тьма’, говорится и в работах Н.А. Луценко [11. С. 11]). Соответственно, лексема *голубой*, участвующая в характеристике неба, не только передает конкретный цветовой признак, она скрыто может представлять исходный смысл ‘темный’.

Надо сказать, что в русском языке связь лексемы *голубой* со смыслом ‘темный’ (как, впрочем, и ‘светлый’) остается невыясненной. Объяснить участие одного и того же слова в обозначении цветовой противоположности возможно, если соотнести процесс глоттогенеза с идеей севера, переживанием смен ‘тьмы’ и ‘света’. Северное бытие обуславливает то, что аспект тьмы — исходный аспект восприятия всего сущего. По этой причине все мироздание и мыслится как переход от тьмы к свету, от черного к белому. Смысл ‘светлый’ возник лишь вторично, как дериват ‘темного’, «Свет, светлое были исходно названы как части целого <...> по мраку / тьме», «по целому, тьме, были названы луна, звезды и свет в целом», — пишет Н.А. Луценко [11. С. 6, 8]. Этим обусловлена скрытая парадигматическая связь в значении разбираемой лексемы смысла ‘темный’ с различными оттенками ‘белого’ (‘белесого’).

Положение о первичности смысла ‘темный’ в слове *голубой* подкрепляется этимологическими наблюдениями. Так, *gel-* — это «обработанное» *губ-*, т.е. ‘рот’ // ‘тьма» [11. С. 8]. Вероятно, *губ-*, через ступень *гвуб-*, перешло в *глуб-*, а *глуб-* результировалось в виде нашего *голуб-* (*губ-* → *гвуб-* → *глуб-* → *голуб-*). При этом *глуб-* = ‘тьма’ (ср.: *глубь*). Соответственно, голубой цвет «исходно имел значение ‘тьмы’» [11. С. 9]. Таким образом, прилагательное *голубой* изначально называло именно темный цвет, заключенный в разбираемом слове концепт ‘голубой’ диахронически связан со смыслом ‘темный’.

Что же касается выражения *голубая кровь*, то, вероятно, оно представляет собой обозначение, основанное на отсылке к верхним слоям социума. Сравним:

Эй ты, предъяви документ, *голубая кровь*! [15. С. 152]

Здесь, по всей видимости, слово *голубой* выражает «пространственно обусловленную семантику цвета (< ‘верх’ / ‘небо’)» [11. С. 11].

Смысл ‘верх’, очевидно, содержится и в выражениях *голубая мечта*, *голубой сон*, *голубой восторг* (= ‘высокий’, а значит, ‘несбыточный’, ‘неосуществимый’, ‘недостижимый’). В данном случае колоратив *голубой* понимается, по справедливому замечанию Л.А. Качаевой, как «уносящий ввысь, приподнимающий над земными буднями» [8. С. 21]. Сравните:

Сияющий прорыв, прорез на мраке... / Здесь только счастье — *голубого сна* [5. С. 200]; О поэт — говори / о неслышном полете столетий / *Голубые восторги* твои / ловят дети [19. С. 181].

И хотя некоторые лингвисты считают эти и подобные им сочетания необычными (например, Н.А. Кожевникова относит речения *голубая греза* К. Бальмонта,

голубая радость, голубое настроение А.И. Куприна, *голубые ожидания* Ф. Солюба к числу нетипичных в языке [9. С. 128]), их появление вполне объяснимо, так как мотивировано связью лексемы *голубой* со смыслом 'верх'. Отсюда и развитие в слове *голубой* семантики романтического томления по мистическому идеалу (ср. англ. *to be in the blue* 'грустить, быть в подавленном состоянии', франц. *contes bleus* 'голубые загадки', нем. *blaue Rätsel* 'то же', *blaues Wunder* 'голубое чудо'; англ. *blues* — направление в музыке, передающее печальное настроение, грусть). Думается, что на основе данной семантики у этого слова во многих европейских языках сформировалось и известное коннотативное значение.

Изложенное позволяет считать, что в текстах различных авторов реализуется многообразный, но далеко не хаотичный номинативный смысловой потенциал адъектива *голубой*. Данный колоратив нередко, имплицитно или эксплицитно, употребляется для обозначения *темного*, поскольку вся языковая семантика диахронически ориентирована на идею 'тьмы'. Получив на известном этапе семантику светлого, лексема *голубой* в итоге функционально и была закреплена за смыслом 'светлый'. Только естественной смысловой эволюцией объясняется то, почему одно и то же слово участвует в номинации тех или иных смыслов. Приведенные наблюдения показывают, что своеобразие человеческого языка хотя бы отчасти определяется тем, что история человечества берет свое начало на севере.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алимпиева Р.В.* Синонимический микроряд *синий — голубой* в сопоставлении с польским *blekitny — niebieski* (к проблеме семантической эволюции лексических эквивалентов родственных языков) / Семантика слова в диахронии // Межвуз. темат. сб. науч. тр. Калинингр. гос. ун-т. — Калининград, 1987.
- [2] *Бахилина Н.Б.* История цветообозначений в русском языке. — М.: Наука, 1975.
- [3] *Булгаков М.А.* Избранное / Сост., авт. послесл. М.О. Чудакова. — М.: Просвещение, 1991.
- [4] *Василевич А.П.* Этимология цветообозначений как зеркало национально-культурного сознания // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А.П. Василевич. — М.: КомКнига, 2007.
- [5] *Гиппиус З.Н.* Стихотворения; Живые лица. — М.: Худож. лит., 1991.
- [6] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х томах. — М.: Рус. яз. — Т. 1. — 1981.
- [7] *Ипполитова А.Б.* Символика цвета в русских простонародных травниках XVIII века // Признаковое пространство культуры / Отв. ред. С.М. Толстая. — М.: Индрик, 2002.
- [8] *Качаева А.А.* Может ли голубое быть зеленым или розовым? // Рус. речь. — № 6. — 1984.
- [9] *Кожневникова Н.А.* Необычные сочетания с цветовыми прилагательными / Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования // Межвуз. темат. сб. — Калинингр. гос. ун-т. — Калининград, 1980.
- [10] *Луценко Н.А.* Жизнь на севере в отражении языковых явлений // Филологические исследования: Сборник научных работ. — Выпуск 6. — Донецк: Юго-Восток, Лтд, 2004.

- [11] *Луценко Н.А.* Из записок по диахронической семантике: 'синий' // *Нова філологія*. — № 1 (20). — Запоріжжя, 2004.
- [12] *Март Н.Я.* О происхождении языка // *Март Н.Я. Основные вопросы языкознания*. — М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936.
- [13] *Моисеенко В.Е.* О наименовании цвета *GOLQVBЪ(Ь) // *Славянский вестник*. — Вып. 2. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
- [14] *Новикова М.О.* Коментар // *Українські замовляння*. — К.: Дніпро, 1993.
- [15] *Пастернак Б.Л.* Доктор Живаго. — М.: АСТ, 2006.
- [16] *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка: в 2-х т. — Т. 1. — М., 1959.
- [17] *Радченко Е.И.* Аксиологический аспект означений цвета в современном немецком языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Белгород. гос. ун-т. — Белгород, 2002.
- [18] *Русские народные загадки, пословицы, поговорки* / Сост. Ю.Г. Круглов. — М.: Просвещение, 1990.
- [19] *Серебряный век русской поэзии: Сборник* / Сост. И.Г. Панченко, Л.В. Скуратовский; Авт. предисл. В.Л. Скуратовский. — К.: Дніпро, 1991.
- [20] *Серов Н.В.* Античный хроматизм. — СПб.: Лисс, 1995.
- [21] *Тургенев И.С.* Записки охотника. — М.: Лесная промышленность, 1980.
- [22] *Улицкая Л.* Бедные родственники: Рассказы. — М.: Эксмо, 2003.
- [23] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачев. — 2-е изд., стереот. — Т. 1. — М.: Прогресс, 1986.
- [24] *Частушки* / Сост. Ф.М. Селиванова. — М.: Сов. Россия, 1990.
- [25] *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. — 7-е изд., стереотип. — Т. 1. — М.: Рус. яз. — Медиа, 2006.
- [26] *Шолохов М.А.* Тихий Дон: Роман в 4-х кн. Т. 1; Т. 4. — М.: Худож. лит., 1985.

MEANING OF THE COLOR DESIGNATION BLUE

I.A. Gerasimenko

the Department of the General Linguistics and the History
of the Language Philological faculty,
Donetsk National University

Universitetskaya str., 24, Donetsk, Ukraine, 83055

This present paper is limited to the examination of functional meaning of color name *blue* in the Russian language. The objective of the paper is the revelation of the ethnocultural information which is coded in it.